

Эдит ПИАФ

«Книга

О

себе»

6 АПРЕЛЯ, уходя из «Жерниса» около часа ночи, я поцеловала папу Леплэ. Он напомнил, что завтра я должна быть в форме: мне предстояло выступить в передаче с публикой «Мюзик-холл молодых», которую устраивало радио Ситэ в огромном зале Плейэль. Мы условились, что в 10 часов утра я заеду за ним, чтобы вместе совершить прогулку по Булонскому лесу.

— Ложись пораньше, — сказал он, прощаясь.

Я слукавила и ответила, что еду прямо к себе домой, а сама без всяких угрызений отправилась на Монмартр, где меня ждали друзья. Мы устраивали проводы товарищу, уезжавшему в воинскую часть. Наша маленькая компания всю ночь веселилась в одном из кабаков на Пигале, и я легла лишь в 8 часов утра. Страшно хотелось спать, и я решила позвонить Леплэ, чтобы попросить его отменить назначенную встречу.

Я набрала его номер:

— Алло! Папа?

— Да.

— Не сердитесь, что беспокою вас так рано. Я провела бессонную ночь... все объясню потом... Валюся от усталости. Может быть, можно нашу встречу...

Больше я ничего не успела сказать. Суровый голос прервал меня:

— Приходите сейчас же! Сейчас же!

— Иду.

Мне не пришло в голову, что со мной говорил не Леплэ, только огорчило, что папа назвал меня на «вы». Он сердится: я не спала всю ночь, а мне предстоит ответственное выступление. Но так как он хотел немедленно увидеться со мной, колебаться не приходилось. Я вскочила в такси и назвала адрес Леплэ. Он жил на проспекте Гранд Армэ.

Перед домом, который был оцеплен полицейским кордоном, толпились люди. Это меня поразило, и я начала было волноваться, но тут же подумала, что Леплэ, к

счастью, не единственный обитатель этого дома. Я назвала себя инспектору, стоящему у входа. Он разрешил мне пройти, и я ринулась к лифту. Один из полицейских пошел за мной.

— Вы Мом Пиаф? — спросил он, когда кабина тронулась.

— Да.

Я ждала других вопросов, но их не последовало. Мой спутник пристально разглядывал меня, словно стремясь запомнить. Так мы и поднялись до площадки, где жил Леплэ, не произнеся больше ни слова. Дверь квартиры была открыта. В передней вполголоса разговаривали какие-то незнакомые люди. «Хозяйка» «Жерниса» Лор Жарни тоже была здесь. Рыдая, она сообщила мне ужасную новость:

— Это чудовищно! Луи убит!

Как найти слова, чтобы, не опускаясь до стили деше-вой литературы, рассказать о том, что я испытала в тот момент? Как передать это ощущение полной пустоты и нереальности, которая охватывает вас, заставляет словно оцепенеть, делает будто бесчувственной и чуждой внешнему миру, который мгновенно рушится перед вами? Люди входили и выходили, они обращались ко мне, а я им не отвечала. Я видела их, не видя, слышала их слова и не понимала, что они говорят. Я была словно мертвая.

Позднее мне рассказывали, что, не произнеся ни слова, с остановившимся, как при галлюцинации взглядом, негнущимся шагом сомнамбулы я пошла в спальню Леплэ. Он лежал, вытянувшись на постели. Пуля, убившая его, прошла через глаз. Но его прекрасное лицо осталось нетронутым.

Рыдая, я упала на кровать...

НАСТАЛИ ужасные дни.

Мне хотелось запереться, никого не видеть, чтобы наплакаться вдоволь. Остаться наедине со своим горем. Но началось следствие. Обстоятельства гибели Леплэ были загадочны. Не имея ни малейших следов, которые помогли бы вести расследование, комиссар Гюйом решил выслушать всех, кто так или иначе был связан с директором «Жерниса»: его друзей, служащих, артистов, завсегдатаев его кабаре, решительно всех... вплоть до актера Филиппа Эриа, который в ту пору еще и не подозревал, что станет одним из самых влиятельных писателей своего поколения и самым фотогеничным из гонимых академиков. Что касается меня, то я провела несколько часов в маленьком, угрюмом кабинете судебного полиции, где инспектор, задававший мне вопрос за вопросом, все повторял, что это вовсе не допрос, а всего лишь свидетельские показания. Небольшой оттенок, как сказал бы Ренэ Дорэн. Меня не подозревали в том, что я сама убила Леплэ, но не была ли я соучастницей преступления? К вечеру мною занялся сам комиссар Гюйом. Ему не понадобилось и часа, чтобы убедиться, что я ничего не знаю, и принять решение отпустить меня. Однако меня «просили» — такова была установлен-

ная формула — считать себя в распоряжении полиции. Я вышла на набережную Орфевр, падая от усталости. И все же принялась ходить. Машинально, не отдавая себе в этом отчета, я направилась к «Жернису». Кабаре, разумеется, было закрыто. Однако я застала там нескольких человек. Среди них были гарсоны, метрдотель, цветочница, а также кое-кто из артистов. Один из них — я предпочитаю не называть его имени — сказал мне, издеваясь:

— Теперь, когда твой покровитель мертв, тебе с твоим талантом только и остается, что снова петь на улицах...

Предательство началось. Подлое, омерзительное. Человек с открытым сердцем, отзывчивый на беду и нужду, Леплэ широко и охотно раздавал деньги, которые сам легко зарабатывал. В Париже были сотни людей, обязанных ему. Их не было на похоронах. Да и у меня друзей стало сразу меньше. Я оказалась замешанной в скандал, в газетах печатали обо мне чудовищные вещи. Лучше было держаться от меня подальше. Я могу по пальцам пересчитать тех, кто поддерживал меня в эти мучительные дни. Это были: Жан Бурша, аккордеонист Жюель, Ж.-Н. Канетти, уже тогда преданная и верная Маргерит Монно, поэт Раймонд Ассо, с которым я познакомилась незадолго до катастрофы, и белокурая певица Жермэн Жильбер, моя подруга по «Жернису».

Меня больше не вызывали в полицию. Но следствие продолжалось. Оно было прекращено лишь несколько месяцев спустя. И все это время так называемое «дело Леплэ» поставило пресс обильную пищу. Любители «сенсаций» попиروвали на славу. Когда репортеры не располагают точной информацией, они обнаруживают воображение, которое сделало бы честь любому из авторов фантастических романов. Каждый раз я с содроганием раскрывала газету, опасаясь найти там очередную гнусную клевету о друге, которого потеряла, или о самой себе. Мое горе? Какое им до него было дело! Главное ежедневно доставлять пищу читателям, падким до скандала.

Вокруг подлинной трагедии воздвигался газетный роман с продолжением. И я была его героиней, героиней, несомненно, колоритной и столь же отталкивающей. Не утверждая этого прямо, газеты давали понять, что я могла быть соучастницей убийц, если не попросту подстрекательницей преступления. А! Меня не щадили. Что же! Мне так хотелось увидеть свое имя в газетах. Вот я и дождалась!..

ЕСЛИ бы у меня были деньги, я бежала бы на другой конец света. Но денег не было. И когда мои жалкие сбережения иссякли, чтобы заработать на жизнь, мне пришлось снова начать выступать... «Жернис» был закрыт. Но недостатка в приглашениях не было. Многие из директоров кабаре, спекулируя на любопытстве публики, а также зная, что я не могу сейчас позволить себе ставить условия, предлагали мне контракты. Оставалось лишь выбирать.

Вечерняя Москва, 1964, 21 ноября